

Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919–1938 гг.

Согласно статистике, около 75 % российских беженцев, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев, имели среднее и высшее образование¹. Среди них были и представители российской академической науки. Так, по данным Т. Миленковича², к началу 1922 г. в страну прибыли: 88 университетских преподавателей, 836 инженеров, 108 агрономов, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 юрист и судья, 133 адвоката, 150 деятелей искусства.

Для многих беженцев, покинувших Россию вместе с Белой армией, вопрос о выезде в Югославию решался уже в Константинополе (Турция). Здесь, благодаря усилиям Лиги Наций, были выявлены вакансии и произведена запись всех желающих выехать на работу в европейские университеты³. Из ученых, пожелавших работать в Югославии, преобладали бывшие профессора и преподаватели университетов Юга России: Новороссийского, Донского (Варшавского), Киевского, Харьковского и некоторых других. В общей сложности, по данным М. Йовановича, в университетах Югославии преподавало свыше 100 русских профессоров и ученых, только в Белградском университете их было более 70⁴. Это дало основание главе югославского парламента Л. Ивановичу утверждать, что «прибывшие к нам русские представляют собой лучшее, что Россия имеет»⁵.

---

¹ *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 47.

«Де факто» Королевство сербов хорватов и словенцев (Королевство СХС) существовало с 1 декабря 1918 г. После принятия Конституции 28 июня 1921 г. название государства было изменено на Королевство Югославия.

² *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии, 1921–1940 // Сб. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 136.

³ *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского) // Сб. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 149.

⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. С. 332.

⁵ *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С. 6.

Очевидец русского исхода, ученый-богослов Вл. Маевский⁶ писал: «Изможденные душой и телом, со страшными воспоминаниями, с опустошением в душе и сердце, русские изгнанники, прежде всего, должны были оправиться от страшных воспоминаний»⁷. Они должны были достойно сохранить свою жизнь «до нового воскресения России»⁸. Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) представляло собой то редкое исключение, где квалифицированная русская интеллигенция (профессора, врачи, инженеры) была особенно востребована, и где она нашла применение своим силам, сообразно своей квалификации. Молодое славянское государство испытывало острый дефицит квалифицированных кадров, связанный с большими утратами собственной интеллигенции в прошедших войнах (Балканских, 1912—1913 гг., и Первой мировой, 1914—1918 гг.), а также — с катастрофически низким образовательным цензом населения Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Македонии в недавнем прошлом: в некоторых районах до 80 % населения было безграмотным⁹. В лице русских эмигрантов Югославия получила готовых специалистов, на образование которых оно не потратило ни одного динара.

Успешное решение вопроса о русской научной интеллигенции во многом объяснялось историей взаимоотношений Российской империи и Сербии, а также традиционной русофильской национальной политикой Короля Александра I Карагеоргиевича, который воспитывался при российском императорском дворе, прошел обучение в Им-

---

⁶ Маевский Владислав Альбионович (04.04.1893, Полтава — 16.01.1975, Нью-Йорк, США) — писатель-богослов, церковно-общественный деятель. Штабс-капитан Лейб-гвардии саперного полка. Служил в Добровольческой армии. 25 января 1920 г. был эвакуирован из Одессы. В Королевстве СХС получил три высших образования: духовное — Сербский богословский факультет, техническое и юридическое. Библиотекарь Патриаршей библиотеки в Белграде, секретарь патриарха Варнавы. Хранитель Патриаршей библиотеки Сербского Патриархата. Во время Второй мировой войны был заключен немцами в концлагерь; после войны освобожден, три года провел в лагере Ди-Пи, попал в Швейцарию, оттуда в конце 1940-х гг. переехал в США. Преподавал в Св.-Тихоновской Духовной семинарии (шт. Пенсильвания).

⁷ *Маевский Вл.* Русские в Югославии: 1920—1945. Нью-Йорк, 1966. Т. II. С. 50.

⁸ Там же.

⁹ *Арсеньев А.* Русская эмиграция в Югославии. С. 47.

ператорском училище правоведения, а затем в Пажеском корпусе¹⁰. Большую роль в защите русских эмигрантов в Югославии сыграли представители «Державной Комиссии» и «Комитета Русской Культуры» («Культурного Отбора») в лице ее выдающихся общественных деятелей: В. Н. Штрандмана¹¹, С. Н. Палеолога¹² и С. В. Юрьева¹³.

Еще в 1919 г. общую идиллическую картину с русскими профессорами испортило руководство нового медицинского факультета в Белградском университете. Несмотря на недостаток собственных научных кадров, а зачастую — полного отсутствия преподавателей на отдельных

---

¹⁰ Русская православная церковь за границей: 1918–1968: в 2 т. / Под ред. А. А. Соллогуба. Нью-Йорк, 1968. Т. I.

¹¹ Штрандман Василий Николаевич (1877–18.11.1963, Вашингтон) — дипломат. Родился в семье генерал-лейтенанта, коменданта Царскосельского дворца. Его крестным отцом был император Александр II. Окончил Пажецкий корпус (1897). С 1914 г. на дипломатической службе в русском посольстве в Сербии. После войны, революции и эвакуации русской армии из Крыма в 1921–1941 гг. — русский дипломатический представитель в Югославии со званием делегата по защите интересов русской эмиграции. На своем посту опирался на личную дружбу короля Александра I Карагеоргиевича, а после его гибели (1934) — на поддержку регента престола, принца Павла и личных друзей — сербских генералов. После оккупации Белграда немецкой армией (апрель 1941) арестован, потом освобожден, но лишен права заниматься прежней деятельностью по защите интересов русской диаспоры. После войны — в эмиграции в США. О нем см.: *Александров Е. А.* Русские в Северной Америке: Биографический словарь / Под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмпден (шт. Коннектикут); Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 578.

¹² Палеолог Сергей Николаевич (1887–?) — представитель генерала П. Н. Врангеля в Югославии.

¹³ Юрьев Сергей Владимирович (?–29.11.1960, Нью-Йорк) — юрист, политический и общественный деятель Русского Зарубежья. До революции состоял на государственной службе Императорского Двора, состоял на ответственных должностях гражданского ведомства. В эмиграции — в Белграде. Делегат Нансеновского Офиса по делам беженцев при Лиге Наций, один из руководителей «Державной Комиссии» по оказанию помощи русской эмиграции. После Второй мировой войны в Мюнхене создал Комитет, спасший многих эмигрантов от принудительной репатриации. По требованию СССР, этот Комитет был закрыт американскими оккупационными властями в Германии, Юрьев был арестован. Тем не менее, он смог переехать в США, где примкнул к организациям кн. С. С. Белосельского-Белозерского. О нем: *Кончина С. В. Юрьев // Наша страна.* 1960. 29 ноября; *Вербицкий Ф. В.* Сергей Владимирович Юрьев // Русское слово. 1960. № 177. 9 декабря.

кафедрах, оно отказалось принять двух талантливых учеников знаменитого И. П. Павлова — физиолога Б. П. Бабкина и патолога и геронтолога В. Г. Коренчевского. После чего, в 1922 г., Б. П. Бабкин переехал в Лондон, а затем (в 1924) — в Канаду. В. Г. Коренчевский уехал в Лондон, где жил и работал до конца своей жизни. Отказал медицинский факультет профессорам А. К. Медведеву (физиологическая химия) и профессору гистологии и эмбриологии А. Ф. Маньковскому (гистология и эмбриология), и они были вынуждены уехать в Софию¹⁴.

Совсем не просто было и с трудоустройством гуманитариев, например историков, и, в частности, специалистов по русской истории. Вот как ответил на запрос А. В. Флоровского (бывшего профессора Новороссийского университета в Одессе) о вакансиях в Сербии в октябре 1922 г. профессор церковной истории Белградского университета А. П. Доброклонский: «Затрудняюсь сказать, какие занятия, обеспечивающие материальное существование, могли бы Вы найти в Сербии, кроме преподавания истории в средних школах, так как в университете русской истории специально нет в учебных планах»¹⁵. На работу в сербских гимназиях, как основной вид заработка для эмигрантов-гуманитариев, указывал А. В. Флоровскому и историк П. М. Бицилли, который, тем не менее, смог трудоустроиться на философский факультет университета в г. Скопле. Однако вскоре и он вознамерился покинуть Югославию и переехал в Прагу, поскольку условия для работы становились все хуже — «сказывалось отсутствие денег для функционирования кафедр и научных командировок, в результате чего русские преподаватели стали покидать факультет»¹⁶. Финансовая нестабильность не могла не влиять на жизненные планы ученых-эмигрантов. Тот же Бицилли с пессимизмом оценивал свое будущее, в котором, как ему представлялось, его могли ждать только «одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования»¹⁷. Из письма другого историка — В. А. Мошина, живущего в Загребе, для устройства на работу в местный университет необходимо было дополнительно сдать «профессорский экзамен». Для его подготовки сам В. А. Мошин был вынужден «всю зиму посвятить логике, психологии, педагогике, мето-

---

¹⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. С. 333.

¹⁵ Цит. по: *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского). С. 149.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 149–150.

дике, администрации средней школы, сербскому языку и литературе сербов, хорватов и словенцев»¹⁸.

Действующий закон о югославском гражданстве запрещал принимать иностранцев на постоянную работу в государственные учреждения. Поэтому русские эмигранты подписывали контракт на определенное время с оговоренной суммой жалования. При этом они не получали компенсации ни «за инфляцию», ни «за членов семьи», а их годы службы в Югославии не включались в трудовой стаж. Право на гражданство они могли приобрести лишь через несколько лет. Эта тенденция со временем изменилась: с 1928 г. ученым-эмигрантам, принявшим югославское подданство, в трудовой стаж засчитывалась и их служба в России, и контрактная служба в Югославии. Тем не менее, многие выходцы из России, несмотря на материальные потери, часто считали делом чести сохранить российское гражданство. Тем более, что с его потерей они автоматически исключались из всех русских обществ¹⁹.

Ниже представлен список наиболее известных русских ученых, работавших в довоенной Югославии. Он взят из статьи А. Арсеньева «Русская диаспора в Югославии»²⁰.

Математики: Ант. Билимович, В. Х. Даватц, Н. Н. Салтыков;

Экономисты: А. Д. Билимович, Л. Я. Таубер, П. Б. Струве;

Механики и машиностроители: В. З. Жардецкий, Г. Н. Пио-Ульский, В. В. Фармаковский, Я. М. Хлытчичев;

Минералог: Н. А. Пушин, А. И. Косицкий;

Гидролог: С. П. Максимов;

Агрономы: А. И. Стебут, Н. И. Васильев, Т. В. Локоть, И. П. Марков;

Лесовод: А. И. Шеншин;

Биологи: Ю. Н. Вагнер, В. Э. Мартино;

Геодезисты: И. С. Свищев, Д. В. Фрост;

Археолог: Д. Н. Сергеевский;

Богословы, историки, юристы: А. Д. Доброклонский, С. В. Троцкий, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев, К. М. Смирнов, М. А. Георгиевский, Л. М. Сухотин;

---

¹⁸ Цит. по: *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского). С. 150.

¹⁹ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии: 1921–1940. С. 140.

²⁰ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 53–54. Пользуюсь случаем выразить большую благодарность прекрасному историку Алексею Арсеньеву за его содержательные работы.

Византолог: Г. А. Острогорский;

Филологи: Е. В. Аничков, С. М. Кульбакин, А. Л. Погодин;

Палеославист: В. А. Мошин;

Медики:

хирурги: Вс. Н. Новиков и С. К. Сафотеров,

внутренние болезни: А. И. Игнатовский,

патологи: Н. Е. Акацатов, С. Н. Салтыков, Е. Н. Салымов, Д. М. Ти-
хомиров,

анатом: И. Ф. Шапшал,

гинеколог: А. А. Редлих,

отоларинголог: С. А. Попов,

эпидемиолог: С. К. Рамзин,

психиатр: Н. В. Краинский,

невропатологи: М. Н. Лапинский, А. С. Кульженко,

бальнеолог: А. И. Щербаков,

бактериолог: Д. Ф. Конев.

Русская диаспора в Югославии была представлена многочисленными «русскими колониями». Так, по данным доклада С. Н. Палеолога «О расселении русских беженцев в Королевстве С. Х. С.» от 20 февраля 1922 г. в Королевстве насчитывалось 57 русских колоний, а после эвакуации из Крыма в 1920 г. их число возросло до 323²¹. Помимо Белграда русские селились в таких городах, как Загреб, Новый Сад, Крагуевац, Панчево, Ниш, Земун, Велики Бечкерик, Белая Церковь, Сараево, Мостар²².

Как никакая другая социальная группа в эмиграции, именно ученые проявили себя как талантливые организаторы. В 1919–1922 гг. в большинстве европейских центров русского рассеяния: Константинополе, Берлине, Праге, Париже, Белграде и др. возникли Русские академические группы (РАГ) (первоначально — «объединения русских профессоров»)²³. Их лидеры прекрасно осознавали, что «всякое укрепление организованности в эмиграции является ... проявлением хотя бы и пассивной борьбы с коммунистами... Эмигранты, заботящиеся толь-

---

²¹ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 263.

²² Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 48.

²³ Съезды русских академических организаций за границей. 1-ый съезд 10–17 октября 1921 г. (С. 1–96); 2-ой съезд 9–16 октября 1922 г. (С. 99–176). Прага, 1923. С. 3.

ко о куске хлеба и о спокойном угле для жизни, перестают быть опасными для большевиков»²⁴. Всего за 5 лет (1919–1924) возникло 14 академических групп в разных странах мира, и в 1921 г. в Праге был создан их центральный орган — Союз русских академических организаций за границей во главе с профессором А. С. Ломшаковым²⁵. Задачи Союза: сплочение и защита русских ученых в эмиграции (юридическая и материальная), координация деятельности, выявление вакансий в местных университетах и колледжах, помощь с трудоустройством (выдача рекомендаций), установление контактов с зарубежными исследовательскими и государственными организациями, обеспечение представительства в государственных и общественных учреждениях, организация изданий научных трудов на русском языке и др. По большому счету, академические организации ученых создавались для сохранения русской (национальной) науки для будущей России.

В Югославии русской интеллигенцией были созданы следующие научные организации: Общество русских ученых в Белграде, Русская академическая группа в Королевстве СХС, Русский научный институт в Белграде, Институт изучения России, Институт изучения России и Югославии (при Российском союзе земств и городов — Земгоре), Донская историческая комиссия, Русский военно-научный институт в Белграде, Институт имени Н. П. Кондакова (с 1939), Русский народный университет в Белграде (1922), Кружок по изучению России, Кружок общего научного изучения России²⁶.

Кроме того, следует отметить еще целый ряд узкопрофессиональных русских организаций в Королевстве Югославии, перечень которых приведен ниже (в скобках указано число членов к началу 1923 г.):

---

²⁴ ОРЭСО — Общество Русских Эмигрантских Студенческих Организаций // Информационный Бюллетень ОРЭСО (Прага). № 5. 1923. 10 августа. С. 1.

²⁵ Ломшаков Алексей Степанович (1870–1960) — бывший профессор СПб политехнического института им. Петра Великого. Председатель Союза инженеров России. Кадет, член I-ой Государственной думы. В эмиграции жил в Праге, председатель Пражского политехникума. Возглавлял административную работу по «Русской акции». Член и почетный председатель Русской академической группы в Чехословакии, Учебной коллегии; с 1921 г. — председатель Союза русских академических организаций за границей; с 1928 г. — председатель Общества русских инженеров. О нем см.: *Савицкий П. Н.* Воспоминания об А. С. Ломшакове: 1870–1960 // Записки Русской академической группы в США. 2001–2002. Т. XXXI. С. 562–567.

²⁶ *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 53–54.

Союз русских инженеров в Югославии (460), Союз русских юристов (300), Союз русских педагогов (285), Общество русских земледельцев (240), Общество русских агрономов, лесников, ветеринаров (195), Русско-сербское общество врачей (120), Русское археологическое общество (50), Союз русских писателей и журналистов²⁷.

Насыщенная научная, общественная и культурная жизнь русских ученых в Югославии скрашивала эмигрантское существование, особенно в провинции.

Первой и самой крупной организацией русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, созданной ими сразу же после прибытия их в эту страну, стало Общество русских ученых в Белграде (1919–1920). Вопросами организации Общества занимался В. В. Зеньковский²⁸, преподававший тогда в Белградском университете на двух факультетах: богословском и философском (1920–1923) (кроме того, он читал еще курс экспериментальной психологии)²⁹. В середине мая 1920 г. на общем собрании было избрано Правление Общества во главе с доктором государственного права, бывшим ректором Киевского университета, профессором Евгением Васильевичем Спекторским³⁰,

---

²⁷ *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1921–1940. С. 330.

²⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — педагог, психолог, философ, историк философии и церковно-общественный деятель. В 1915 г. в Московском ун-те защитил магистерскую диссертацию «Проблема психической причинности». С 1915 г. — экстраординарный профессор психологии Киевского ун-та (до 1919), профессор Белградского ун-та (1920–1923), директор Педагогического ин-та в Праге (1923–1926), профессор Богословского ин-та в Париже (1926–1962). В 1939 г. был арестован французскими властями и помещен в Центральную тюрьму в Париже, где провел 40 дней в одиночной камере, а затем 14 месяцев в концлагере. В 1942 г. принял священство и был рукоположен митрополитом Евлогием. Председатель Русского студенческого христианского движения (1923–1962). О нем: *Верховской С. С.* О Зеньковском // Новый журнал. 1962. № 70; *Куликова М.* Зеньковский Василий Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 251–253.

²⁹ Русская газета (Белград). 1920. № 1. 6 мая.

³⁰ Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) — правовед, историк, литературовед, публицист. В 1898 г. окончил юридический факультет Варшавского ун-та и был оставлен при ун-те на кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. В 1901 г. выдержал магистерский экзамен. В 1903 г. избран доцентом по кафедре энциклопедии и истории философии права в Варшавском ун-те. После получения в Юрьевском ун-те степени маги-

его заместителем выбран бывший профессор славянского права на

стра (1910) был избран в 1913 г. профессором Киевского ун-та Св. Владимира. Председатель Киевского философского общества. В 1917 г. в Московском ун-те защитил диссертацию на степень доктора государственного права. В 1918 г. избран деканом юридического факультета и вскоре ректором Киевского ун-та Св. Владимира (1918). В 1919 г. генерал А. И. Деникин назначил Спекторовского попечителем Киевского учебного округа, а потом товарищем главного управляющего народного просвещения. Но ему так и не удалось вступить в исполнение этой должности. В начале 1920 г. Спекторовский эмигрировал в Королевство СХС. Профессор Белградского ун-та (1920–1930), с трехлетним перерывом в 1924–1927 гг., которые он провел в Праге в качестве профессора и декана Русского юридического ф-та, и в течение одного семестра — в качестве профессора чешского Карлова ун-та. В 1930 г. был избран профессором ун-та в Любляне (1930–1945). Член-корр. Сербской АН в Белграде и Славянского ин-та в Праге, почетный член Общества русских ученых в Югославии и Русской академической группы в Праге, Общества Галлиполийцев в Белграде. Председатель II-го съезда русских академических организаций в Праге в 1922 г. и председатель Оргкомитета III-го съезда в Белграде в 1928 г. По поручению съезда написал брошюру о нем и был редактором первого тома Трудов съезда. Вместе с В. Х. Даватцем составил два тома «Материалов по библиографии русских научных трудов за рубежом». Был первым директором Русского научного института в Белграде и опубликовал брошюру о деятельности этого института за первые 10 лет его существования. В Любляне был председателем Словенского общества философии права и социологии и национально-просветительной организации «Русская Матица» (с 1930). В 1945 г. вынужден был покинуть Югославию, занятую советской армией и армией Тито. Оставил в Югославии все свое имущество и ненапечатанные труды. Среди них — готовое к печати «Введение в социологию», два тома подготовленных к печати (1000 страниц) «Воспоминаний» и ежедневные записи, которые Спекторский вел в течение 15 лет. Судьба этих трудов до сих пор не известна. Вместе с женой перебрался в Италию, где они провели в качестве «перемещенных лиц» два года в 9 лагерях, несколько раз подвергаясь опасности репатриации. В 1947 г. был приглашен в Нью-Йорк для участия в организации Св.-Владимирской православной духовной академии, профессором которой Е. В. состоял до самой своей смерти. Спекторский был членом более 10-ти ученых обществ, половину которых он возглавлял как председатель. Вице-президент Ассоциации американских и иностранных ученых, первый председатель Русской секции этой Ассоциации (1949–1951) и Русской академической группы в США (1951). Работы Спекторского посвящены истории, теории социальных наук, философии религии, истории русской культуры, современным проблемам государственоведения. В 1934 г. Спекторский отдал дань Киевскому университету и издал книгу «Столетие Киевского университета Св. Владимира». О нем см.:

юридическом факультете Петербургского университета Ф. В. Тарановский³¹, секретарем — В. В. Зеньковский, казначеем — математик Ан. Д. Билимович, а членами правления Д. С. Красенский и профессор технического факультета С. П. Максимов³². Общество объединяло от 80 до 90 членов. Его костяк составляла университетская профессура и в меньшей степени представители технической и медицинской интеллигенции (инженеры и врачи). Помимо Белграда отделения, или филиалы, Общества были открыты в Загребе, Любляне, Скопле и Суботице. К сожалению, члены Общества были чересчур увлечены политикой, большинство их по своим политическим взглядам были монархистами, причем, из числа крайне правых. Им противостояла небольшая группа ученых либеральных взглядов. Политическая воинственность и агрессивность представителей монархического крыла постоянно приводила к личным конфликтам и разногласиям. Правые обвиняли левых в «еврействе и масонстве», те же называли своих оппонентов «черносотенцами и погромщиками». Историками обычно приводится в пример отказ членов Общества монархической ориентации от гуманитарной помощи голодающим в России после катастрофической засухи 1921 г. При этом при обсуждении звучали призывы использовать голод как некий повод для свержения большевиков³³. Позже ученые-монархисты Белградского университета отвергли реформу русской графики и орфографии 1917–1918 гг., объявив ее творением страны Советов, а следовательно, — порождением Сатаны, хотя реформа началась еще в 1904 г., а в июле 1917 г. была принята Временным правительством. В октябре 1918 г. вышел декрет Совета народных комиссаров о новом правописании. Тем не менее, принятие новой орфографии, в глазах монархистов, означало поддержку совет-

---

Белусов К. Г. Русские ученые, члены Академической группы: Е. В. Спекторский (1875–1951) // Записки РАГ в США. 1975. Т. IX. С. 305–306; Записки РАГ в США, 1976. Т. X. С. 231; *Билимович А. Д.* Памяти профессора Е. В. Спекторского // Записки РАГ в США. 1970. Т. IV. С. 148–157; *Timasheff N. S.* Professor Spectorisky // Там же. С. 158–162; *Вильданова Р. И., Кудряцев В. Б., Ланто-Данилевский К. Ю.* Краткий биографический словарь русского Зарубежья // *Струве Г.* Русская литература в изгнании. 3-е изд. Париж; М., 1996. С. 361.

³¹ См. о нем: *Михальченко С. И.* Ф. В. Тарановский. К вопросу о школе «Западно-Русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. М., 1999. С. 115–118.

³² Русская газета (Белград). 1920. № 4. 11 мая.

³³ Новое время (Белград). 1921. № 88. 10 августа.

ского режима и, в конечном счете, — предательство русской науки³⁴. Окончательный разрыв двух групп внутри Общества русских ученых в Белграде произошел 30 сентября 1921 г. при выборе делегатов на II-ой съезд Русских академических организаций за границей, который должен был состояться в Праге. Монархисты выступили против делегатов еврейской национальности в лице И. Ф. Шапшала и Л. Я. Таубера. В знак протеста группа либералов (20 человек) покинула собрание и вскоре создала свою параллельную т. н. Русскую академическую группу в Королевстве СХС. Ее председателем был избран Е. В. Аничков, в середине 1920-х гг. его преемником стал Ф. В. Тарановский, а в 1936 г. — Н. Н. Салтыков. Ведущими членами группы были М. П. Чубинский, В. Д. Плетнев и Л. Я. Таубер³⁵. В состав группы вошли и влиятельные представители технической интеллигенции, в том числе, Г. Н. Пио-Ульский — зам. председателя Союза русских инженеров.

Русские профессора создавали в Югославии свои научные школы, писали и издавали замечательные учебники по предметам, которые они преподавали. Как отмечают сербские историки, некоторые из них до сих пор не утратили своего значения. Поначалу русские читали лекции на французском и немецком языках, на этих же языках они издавали свои научные труды. Позднее, когда большинство педагогов освоило сербский язык, аудитория университетских лекций и публичных докладов значительно расширилась за счет местного населения. Русские ученые качественно изменили университетское преподавание в Югославии. Благодаря им многие области знания — клиническая практика, строительство, агрономия и пр. — были расширены за счет научных исследований. Так, на базе открытого в 1919 г. русскими учеными сельскохозяйственного факультета в Белградском университете были созданы 5 научно-исследовательских институтов: Энтомологический (во главе с доктором Ю. Н. Вагнером, он же — основатель Энтомологического общества в Королевстве сербов, хорватов и словенцев); Зоотехнический институт (профессор И. П. Марков); Институт сельскохозяйственных машин и механизмов (доктор Т. В. Локоть); Институт удобрений (доктор Н. И. Васильев); Институт почвоведения (профессор А. И. Стебут). В том же Белграде выдающимся русским микробиологом, профессором С. Н. Виноградским (до его отъезда на работу в Пастеровский Институт в Париже) был создан Институт микробиологии.

---

³⁴ *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии. С. 143.

³⁵ Новое время (Белград). 1921. № 135. 6 ноября.

Большим событием в жизни русской колонии стало открытие в 1928 г. Русского научного института. В течение первых 5 лет он располагался в Доме Сербской Королевской академии, что, само по себе, говорит о высокой солидарности сербских и русских ученых. До Белграда аналогичные институты уже были открыты в Праге (1922) и Берлине (1924). Однако благодаря прекрасному финансированию югославским правительством Белградского института, он вскоре стал ведущим общерусским эмигрантским научным центром³⁶. К его работе широко привлекались ученые из многих стран русского рассеяния³⁷. Предполагалось, что после неминуемого освобождения России от большевиков институт переедет в Россию или, подобно Русскому археологическому институту в Константинополе (который остался в Турции), продолжит работу в столице, открыв двери ученым многих национальностей.

Первым председателем Русского научного института был избран Е. В. Спекторский. Когда, спустя два года, он перешел на работу в Люблянский университет, на его должность 4 ноября 1930 г. был избран академик, доктор юридических наук Федор Васильевич Тарановский. Последний многократно переизбирался и оставался на этом посту вплоть до самой своей смерти (23.01.1936). В июне 1936 г. новым председателем был избран доктор философских наук, выдающийся историк церкви, профессор Александр Павлович Доброклонский (бывший профессор Новороссийского университета). Через год после смерти А. П. Доброклонского, — в декабре 1937 г., председателем института 17 января 1938 г. был избран доктор медицины, профессор А. И. Игнатовский (бывший профессор Донского университета).

В октябре 1928 г. были образованы следующие отделения Русского научного института в Белграде:

1. Философское отделение:

Председатель — Н. О. Лосский (1928–1929), П. Б. Струве (1929–1938).

---

³⁶ *Миленкович Т.* Союз Русских инженеров в Югославии (1920–1941 гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. М., 1994. Кн. I. С. 360–369.

³⁷ *Джурич О.* Шестьдесят лет Русскому Дому имени Императора Николая II в Белграде (1933–1993) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. I. С. 61.

2. Отделение языка и литературы:

Председатель — С. М. Кульбакин (1928–1932), после 1932 г. —
А. Л. Погодин.

3. Отделение общественных и исторических наук:

Председатель — А. П. Доброклонский (1928–1936); после 1936 г. —
Е. В. Аничков.

4. Отделение естественных, агрономических и медицинских наук:

Председатель — А. И. Игнатовский.

5. Отделение математических наук:

Председатель — Г. Н. Пио-Ульский (1928–1933), после 1933 г. —
Н. Н. Салтыков.

6. Отделение военной секции:

Председатель — В. И. Баскаков (1928–1933), после 1933 г. —
И. С. Свищев.

Курсы Научного института

Кроме докладов, семинаров и коллоквиумов Русский научный институт организовал систему курсов для студентов Белградского университета и посторонней публики. 17 ведущих ученых Русского научного института имели свои семинарские курсы. Ниже приведены некоторые их названия:

- В. И. Баскаков. О военной доктрине (1932, 1933),
- Ан. Д. Билимович. По абсолютной геометрии и механике (1928, 1929),
- В. Х. Даватц. По теории вероятности (1935),
- Р. К. Дрейлинг, В. М. Пронин. По вооруженным силам России (1936),
- Н. А. Житкевич. По военно-техническим знаниям (1937),
- А. М. Зайцев. По полезным ископаемым России (1933–1934),
- Н. В. Краинский. По психологии (1935),
- В. Д. Ласкарев. По геологии России (1929, 1930),
- Л. М. Михеев. По военно-инженерным знаниям (1937–1938),
- А. Л. Погодин. По русской литературе (1932–1934) и ее истории (1936),
- В. Н. Полянский. По военно-инженерному делу (1932),
- Д. П. Рябушинский. По аэродинамике (1928–1929),
- Н. Н. Салтыков. По интегрированию дифференциальных уравнений с частными производными (1928, 1929–1933), по математическим теориям задачи трех тел (1935–1938), по теории уравнений с частными производными (1936–1937),

Е. В. Спекторский. По теории публичного права (1928, 1929),
П. Б. Струве. По вопросам обществоведения (1928–1933), по современным экономическим явлениям (1935–1936), по политической экономии и социологии (1937),

Ф. В. Тарановский. По истории русского права земского периода (1931–1932).

В Белградском научном институте функционировала Комиссия по «проверочным испытаниям», организованная летом 1921 г. Обществом русских ученых Королевства СХС, которая проводила контроль над успеваемостью русских студентов, обучающихся в Белградском университете³⁸.

Публичные лекции

Многие сотрудники Русского научного Института (в их числе В. В. Розенберг, Ф. В. Тарановский, Л. Я. Тауберг и др.) выступали с публичными лекциями в народных университетах в разных городах Югославии: Любляне, Мариборе, Целье, Сараево, Шабце, Новом Саде, Суботице, Загребе, Дубровнике, Скопле.

Ученые, писатели и деятели культуры, приглашенные Русским научным институтом

Согласно 4 статье Устава, Русским научным институтом в Белграде было предусмотрено приглашение на более или менее продолжительный срок русских ученых и писателей, проживавших вне Югославии, для участия в его деятельности.

С начала работы Русского научного института были приглашены следующие известные русские ученые, писатели, поэты, критики: писатели Д. С. Мережковский, Е. Н. Чириков; поэты З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, И. Северянин; известный специалист по аэродинамике Д. Е. Рябушинский; биолог, профессор Института Пастера в Париже С. И. Метальников; известные историки Е. Ф. Шмурло, И. И. Лаппо, А. Ф. Флоровский, А. А. Кизеветтер; византолог Г. А. Острогорский; выдающиеся философы И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. А. Франк и др. Однако, начиная с 1932 г., материальная поддержка, оказываемая институту, сильно сократилась. Тем не менее, ученые и деятели культуры продолжали приезжать в Белград, но уже по собственной инициативе. В их списке: В. В. Болдырев, Н. Н. Головин, В. В. Зеньков-

---

³⁸ Новое время. 1921. 5 июля.

ский, И. А. Ильин, В. Н. Ипатьев, М. А. Иностранцев, Е. А. Ляцкий, В. Ф. Тотомьянц, А. Е. Фатеев и др. В ознаменование приезда весной 1938 г. в Белград из США академика В. Н. Ипатьева, Советом Русского научного института в Белграде был учрежден Фонд его имени, из которого выдавались премии особо отличившимся молодым ученым-химикам.

Стипендиаты Русского научного института в Белграде

Большое внимание Русский научный институт в Белграде уделял работе стипендиатов, которые под руководством членов института выполняли самостоятельные научно-исследовательские работы по разным специальностям. В течение первых четырех лет своего существования институт в Белграде имел возможность выдавать специальные стипендии талантливым молодым ученым (проживающим как в Югославии, так и за ее пределами) для проведения научных исследований. Фонд стипендий Института пополнялся путем «самообложения» членов Института. Стипендии получили: М. А. Андреева, Н. Н. Афанасьев, К. Е. Воронец, В. Х. Даватц, Б. С. Ижболдин, О. О. Марков, В. Э. Мартино, В. А. Мошнин, П. А. Остроухов, Л. В. Черносвитов, П. И. Чернявский, И. И. Рыковский.

Доклады ученых Института

За 10 лет в Русском научном институте в Белграде было сделано 670 сообщений. Они были посвящены России (253), Югославии (34), гуманитарным наукам (93), биологии и медицине (65), математике, механике, физике (53), военным наукам (47). Наиболее активными лекторами были: П. Б. Струве (102 доклада), А. Л. Погодин (37 докладов), Ф. В. Тарановский (30 докладов). Институт провел несколько торжественных публичных собраний, посвященных знаменательным датам в истории России, ее культуры, науки, литературы.

Русская публичная библиотека и Русский архив

Еще в 1920 г. в здании Королевской сербской академии наук в Белграде была открыта Русская библиотека, основанием которой стали 100 русских книг, пожертвованных одной сербкой³⁹. К 1945 г. она превратилась в Русскую публичную библиотеку, насчитывавшую бо-

---

³⁹ *Маевский В.* Русская библиотека в Белграде // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско, 1966. С. 99–100.

лее 120 тысяч книг, и считалась вторым величайшим книгохранилищем Русского Зарубежья после Тургеневской Библиотеки в Париже. Нормально функционировать Библиотека стала после переселения ее и Русского научного института в 1933 г. в Русский Дом имени императора Николая II. При Библиотеке стал создаваться Русский архив, которому многие ученые завещали свои труды и рукописи. Именно здесь оказался богатый архив П. Б. Струве, который не мог его взять с собой, когда уезжал на Запад. В Русском Доме находился Музей императора Николая II, в котором хранились экспонаты, документы, картины и фотографии царя и его семьи, а также Музей русской конницы.

Издательская деятельность Русского научного института

Важной исторической миссией Русского научного института в Белграде стала его деятельность по систематическому сбору библиографии русских ученых, работавших в разных странах мира. Этой задаче института был посвящен специальный доклад В. А. Маклакова на IV Съезде русских академических организаций. На Съезде было предложено создать Библиографический институт; однако затем было принято целесообразным организовать специальную Библиографическую Комиссию и поручить ей подготовку материалов. Наиболее значимыми для всей русской эмиграции были такие издания Русского научного института в Белграде, как двухтомник «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом»⁴⁰, 17 томов альманаха «Записки Русского научного института в Белграде», двухтомник «Труды IV съезда русских академических организаций за границей» и др. К 1930 г. в Русском Зарубежье возникло ощущение скорого и триумфального возвращения в Россию, которое обязательно потребует от изгнанников некоего отчета об их деятельности. Поэтому не случайно, первый выпуск «Материалов для библиографии русских ученых за рубежом» был посвящен 10-летию русской эмиграции; второй — ее 20-летию. К сожалению, вторая часть второго выпуска хотя и была подготовлена к изданию, но погибла при оккупации Белграда. В совокупности, оба выпуска содержат 13371 библиографическую единицу и

---

⁴⁰ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930 гг.). Белград: Издание Русского научного института в Белграде, 1931. Вып. 1; Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940 гг.). Белград, 1941. Вып. 2. Ч. 1.

данные о 811 авторах⁴¹. Это фантастический по своей продуктивности итог издательской деятельности эмигрантов. Издание «Материалов» можно рассматривать как самый главный результат деятельности Русского научного института в Белграде, поскольку оно оказало влияние не только на научную, но и культурную жизнь не только белградской, но и большинства других русских колоний в Европе, США, Тихоокеанском регионе. «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» получили высокую оценку иностранных и российских экспертов и, несомненно, являются ценнейшим вкладом в историю русской научной эмиграции.

Другим серьезным научным изданием Русского научного института был альманах «Записки Русского научного института в Белграде». С 1930 по 1941 г. Институт выпустил 17 томов, содержащих 180 статей⁴². И третье выдающееся издание института — Труды IV съезда русских академических организаций за границей (председатель издания — В. Л. Ласкарев). В двух томах было опубликовано 79 докладов, из них — 30 принадлежали авторам, проживающим в самой Югославии⁴³.

Альманах Русской эмиграции

Уже к концу своего десятилетнего существования сообщество русских ученых-эмигрантов в Югославии пришло к необходимости создания труда, отражающего достижения и успехи русского имени в изгнания. Так возникла идея «Альманаха Русской эмиграции», который в форме двух выпусков был опубликован в 1931 г. в Белграде силами «Объединенной русской эмиграции»⁴⁴. Его идея — «стать связующим звеном между рассеянными по всему свету русскими организациями и отдельными лицами»⁴⁵. Главная задача — «увековечить жизнь и труды эмиграции в виде большого альманаха, куда должны войти все необходимые для истории сведения о достижениях и успехах Русского имени в годы изгнания»⁴⁶. По замыслу редакции «Альманах» должен превра-

---

⁴¹ Составителями «Материалов» были Е. В. Спекторский и В. Х. Даватц.

⁴² Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931–1941. Вып. 1–17. (180 статей).

⁴³ Труды IV-го Съезда русских академических организаций за границей: в 2-х т. Белград, 1928.

⁴⁴ Альманах русской эмиграции: 1920–1930. Белград, 1931. Вып. I и II.

⁴⁵ Цит. по: там же. Предисловие. С. 1.

⁴⁶ Цит. по: там же. От редакции. С. 1–2.

титься в некую «энциклопедию эмиграции, где должны были быть помещены сведения обо всем русском и обо всех русских, десять лет живущих вне своей Родины»⁴⁷. Книга предполагала следующие разделы:

1. Русские учреждения и их адреса.
2. Общественные организации и их адреса.
3. Политические организации и их адреса.
4. Военные организации и их адреса.
5. Гуманитарные организации и их адреса.
6. Научные организации и их адреса.
7. Профсоюзные организации и их адреса.
8. Спортивные организации и их адреса.
9. Церковные приходы и их адреса.
10. Сведения о врачах, адвокатах, инженерах, художниках, артистах, коммерсантах с их точными адресами.
11. Список всех мест русского рассеяния (колоний, мест работы).
12. Описание жизни и деятельности учреждений и отдельных лиц.
13. Перечень русских фирм (банков, издательств, торговых домов, касс взаимопомощи).
14. Некрологи.
15. Адресный стол русской эмиграции (10 динар за справку).

Готовящийся альманах было решено посвятить 10-летию исхода, когда остатки Русской Армии на 160 кораблях вывезли из Крыма «национально мыслящую массу лучших представителей нашей великой Родины»⁴⁸. Безусловно, издание «Альманаха русской эмиграции» можно рассматривать как предысторию Проекта «Золотая книга российской эмиграции», который разрабатывался совместными усилиями двух Комитетов в Париже и Нью-Йорке в послевоенные годы, и должен был подвести итог 50-летнему исходу⁴⁹.

Оценка деятельности русских ученых в Югославии

Сербские ученые высоко оценили вклад российских ученых в мировую и национальную науку. Ни одна национальная группа в Югославии не была так многочисленно представлена в Сербской академии

---

⁴⁷ Цит по: Альманах русской эмиграции: 1920–1930.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Ульянкина Т. И. История проекта «Золотая книга русской эмиграции» (Париж–Нью-Йорк) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. М., 2003. С. 218–221.

наук. Пятнадцать русских ученых-профессоров Белградского университета были удостоены звания членов-корреспондентов или действительных членов Сербской академии наук⁵⁰.

И, тем не менее, в эмигрантской литературе можно встретить не всегда лицеприятные отзывы о жизни в этой стране. Еще Г. Н. Пио-Ульский в своем знаменитом докладе «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» отмечал, что югославские заказчики и работодатели приписывали себе многие талантливые проекты и открытия русских. Поэтому ряд имен строителей, архитекторов, инженеров остался скрытым «в тени» их югославских коллег⁵¹. Известный американский историк российского происхождения Марк Раев, отмечая высокую активность деятельности русских ученых в Югославии, не скрывал, что это был «намного менее искусственный и созидательный центр, чем Берлин, Париж или Прага»⁵². Сам Раев оценивал Институт по его научной продукции «как средний» и, в связи с этим, писал: «Приглашенные извне в Научный институт отмечали его „провинциализм“ и узость эмигрантских интересов в Югославии — возможно, этим объясняется тот факт, что большинство ученых так и не смогло абсорбировать службу в югославских учреждениях. Другой причиной были специфические промонархические и консервативные, если не сказать реакционные, настроения в этой русской колонии, связанные с наличием большого числа военных и казаков»⁵³.

Выдающийся русский философ С. Л. Франк, друживший с П. Б. Струве и близко наблюдавший его во время своего двухмесячного курса лекций в Русском научном институте в Белграде весной

---

⁵⁰ Звания члена-корреспондента и действительного члена Сербской академии наук были удостоены: А. Д. Билимович (теоретическая и прикладная механика); К. П. Воронец (термодинамика); С. М. Кульбакин (филология); В. Д. Ласкарев (геология); Г. А. Острогорский (византология); Н. А. Пущин (химия); Н. Н. Салтыков (математика); Е. В. Спекторский (история общественных учений); Ф. В. Тарановский (историческое право); В. В. Фармаковский (термодинамика двигателей); Я. М. Хлытчиев (теория упругости, сопломат) и др.

⁵¹ *Пио-Ульский Г. Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939; Цит. по: Альманах русской эмиграции: 1920–1930. С. 60.

⁵² *Raev M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1929–1939. N.-Y.; Oxford, 1990. P. 21.

⁵³ Там же. С. 65.

1930 г., так описал свои впечатления: «Я несколько раз слушал его и был снова поражен его огромной ученостью, его начитанностью во всех областях исторического знания (включая даже, например, историю русского языка); я не сомневаюсь, что по объему знаний и оригинальности мысли он стал под конец своей жизни первым русским историком. Было прискорбно видеть, что эту безмерную сокровищницу знаний он рассыпал перед немногими русскими генералами и старушками, составлявшими его аудиторию (молодежь, за ничтожными и случайными исключениями, как говорится, „блистала своим отсутствием“)⁵⁴. Это впечатление С. Л. Франка усиливает мнение самого П. Б. Струве. Так, в своем ответном письме С. Л. Франку, от 19 ноября 1939 г., он пишет: «Дорогой друг, вчера я читал в заседании Русского научного института в Белграде доклад о твоей жизни „Непостижимое“. Собралось человек 25, членов института не было, их существенный признак, по моему определению, в том, что они заседаний не посещают»⁵⁵. В мае 1939 г. Петр Бернгардович писал С. Л. Франку о своей «моральной заброшенности в Белграде», а также о том, что он вынужден жить на жалованье, «сильно сокращенное по сравнению с обещанным ему при приглашении и не обеспечивающее элементарного жизненного минимума», и что он «совершенно запутался в долгах»⁵⁶. «Какими-то чудесами, — комментировал С. Л. Франк, — непрерывно сопровождающими нашу эмигрантскую жизнь, П. Б. Струве удалось все же мирно дожить до момента, когда весной 1941 г. военный вихрь обрушился на Белград»⁵⁷. Далее С. Л. Франк писал: «Впрочем, вопреки распространенному в русской эмиграции мнению, белградская русская колония отнюдь не состояла сплошь из „черносотенцев“. Кроме некоторого числа серьезных русских ученых, пожалуй, большая часть русской колонии, в том числе и некоторые профессора, были просто средними обывателями, ведущими типично русский провинциальный образ жизни, заполненный едой и картами»⁵⁸.

В заключение своего обзора, мне хотелось бы согласиться с мнением сербского историка Остоя Джурича о том, что не так важно, какие идеологические определения давали довоенному Русскому Белграду,

---

⁵⁴ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 155.

⁵⁵ Там же. С. 172.

⁵⁶ Там же. С. 170.

⁵⁷ Там же. С. 171.

⁵⁸ Там же. С. 156.

более важно то, **что именно русские создали в Югославии, а создали они очень много**⁵⁹. Сейчас, когда Сербия открыла, наконец, свои архивы для исследователей, русская академическая эмиграция в Сербии должна будет занять свое достойное место в истории отечественной и мировой науки.

---

⁵⁹ *Джурич О.* Шестьдесят лет Русскому Дому имени Императора Николая II-го в Белграде (1933–1993). С. 62.

*Александр Петрович
Университет г. Крагуевац*

МОСТ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЙ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЙТИ Русские ученые — члены Сербской королевской академии после Октябрьской революции

*Истина познается в сравнении
Владимир Фармаковский*

Сербское естествознание нового времени начинается с работы Афанасия Ивановича Стойковича (1773—1832), опубликовавшего в 1801 г. первое сочинение о физике на сербском языке¹. Его научная карьера достигла вершины при переезде в Россию, где он стал ректором Харьковского университета и членом Императорской академии наук. Имя автора трудов о «воздушном камне» носит гора на месте падения тунгусского метеорита². Огнеслав Степанович Костович (1851—1916), вошедший во многие русские энциклопедии, несколько десятилетий спустя едет в Россию и как изобретатель достигает значительных результатов в области воздухоплавания, морской техники, прикладной химии и изучения двигателей внутреннего сгорания³.

Приведены лишь два самых известных примера, иллюстрирующих вековое движение сербского народа, интеллектуалов и ученых к России. Не секрет, что объяснение тому в значительной мере кроется в тяжелых исторических условиях, в которых столетиями находилось сербское государство.

Исход же русской интеллигенции и ученых в результате Октябрьской революции изменил вековое течение истории и оказался совершенно новым опытом для сербской культуры. Хотя Сербия, как и США, в середине XIX в. в процентном отношении была страной самой

---

¹ *Грубич А.* Два столеча геологие у Фисици Атанасия Стойковича // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 21—44.

² *Милоградов Е.* Атанасие Стойкович и история ваздушног каменья // Флогистон — часопис за историю науке (уредник Александар Петрович). № 11. Београд, 2001. С. 15—46.

³ *Янич Ч.* Проналазач и конструктор Огнеслав Костович // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 55—108.